

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ГРИДНЯ СТЕПАНА.....	5
ПОД ПОКРОВОМ ТАЙНЫ.....	195
ПОЙМАТЬ КУРАЖ	455

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ГРИДНЯ СТЕПАНА

Непонятное забытье ушло, и я очнулся. Каким-то образом мне удалось за это время вместо больничной палаты оказаться на улице. Где — пока неясно. Вокруг царила непроглядная мгла. Я привычно перешел на тепловой уровень восприятия и замер в изумлении. Краски изменились.

Вместе обычной зеленой цветовой гаммы перед глазами появилось серо-черное изображение лесной чащобы.

«Что за шутки? — удивленно подумал я. — Может, меня погрузили в виртуальную реальность? Поговаривали, что в госпитале ЕИВ святого Алексея Феодоровича такое практикуют. Года два назад начали писать о медицинских восстановительных комплексах с виртуалкой. Но я в лечебницу после отката попал. С чего меня туда загружать?»

Сразу в памяти всплыло оскаленное лицо старой ведьмы с клубящимся над головой черным маревом проклятия. Сотник Макар лежал без сознания рядом со мной, а несколько молодых новобранцев катались по мокрой траве, зажимая уши, из багровых провалов глаз катились кровавые слезы.

Оскал у ведьмы неожиданно исчез, и она почти сочувственно произнесла:

— Устал, солдатик? Ничего, сейчас отдохнешь.

После этих слов черная воронка проклятия резко придвинулась ко мне.

«Пришло время умирать», — наконец решился я и выпустил на волю родовое охранное заклинание. Черное марево остановилось, а ведьма разочарованно вскрикнула, когда вокруг меня причудливыми изгибами стала закручиваться сила. Она коснулась краешком черной воронки, и та со скрежетом начала исчезать. Силуэт ведьмы в высоком черном

колпаке и кружевном саване заколебался и потек на землю красно-черными струями.

«Ну, вот и все, — успела проскочить единственная мысль. — Сейчас накроет откатом и я — труп».

Больше сознательных мыслей не было, голову накрыла ласковая темнота. Когда она ушла, хорошо помню только отчаяние, охватившее меня при сообщении об утрате источника. Утром в палату зашел лечащий врач и без сантиментов сообщил эту новость. Именно после нее и началось странное головокружение, снова толкнувшее меня в забытие, в результате которого я очутился непонятно где.

Всматриваться в окружающее оказалось нелегко. Вновь закружилась голова, и пришлось вернуться к обычному зрению. Однако полной темноты не наступило, видимо глаза привыкли к ночному сумраку.

Отстранившись от окружающего, я заглянул в себя и с удивлением обнаружил вместо вчерашних остатков перегоревшего источника слабую искру силы. В ментальной проекции она трепетала в такт биения сердца, разгораясь в систолу и почти исчезая в диастолу. Радость от этого события не помешала настороженно оглядываться по сторонам. Предстояло разобраться, почему я очутился в странном лесном массиве и откуда взялась искра Дара.

Ведь буквально только что, пару минут назад, лечащий монах-врач уныло сообщил, что я «перегорел» и остается только с этим смириться и задуматься о начале новой жизни.

Пока стоял в раздумьях, потеряв привычную осторожность, небо на востоке начало алеть. Еще какая-то несообразность царапала ощущения. Со мной явно что-то было не так.

— Сережка! — раздался сзади старческий женский голос. — Чтостряслось? Никак от танцулек не отойдешь?

Резко обернувшись, я увидел рослую старуху с тускло светящимся фонариком в руке. Ничего не соображая, я тупо смотрел на этот фонарь.

«Батарейки сели», — вертелась в голове бессмысленная фраза.

Старуха, между тем, продолжила, встревожено говорить:
— Да, что с тобой, внучек? Застыл столбом на тропинке, Мухтар уже минут десять тебя облаивает, даже меня разбудил, заспала, тебя дожидаясь.

Я только сейчас заметил, что действительно стою на лесной тропе, ведущей к небольшому дому.

Первая попытка задать вопрос провалилась. Язык не хотел подчиняться. Со второй невнятно удалось спросить:

— Где я?

После чего снова застыл в удивлении — писклявый голос был не мой. Старуха нахмурилась.

— Так ты, наверно, вино пил, паразит, — сказала она и, шагнув ближе, крепко взяла меня за плечо. — Пошли домой, гулена, пьяница малолетний, — говорила она, волоча меня за собой. Я послушно шагал за ней, удивляясь про себя бабкиному росту, при моих почти двух метрах, она была выше на голову.

Пройдя через заваленные хламом сени, мы зашли в комнату. Бабка щелкнула выключателем, и комнату осветила лампочка без абажура, висящая на витом шнуре. Непривычная обстановка отвлекала внимание, пока я не уперся взглядом в зеркало, стоящее слева у стены. В нем отражался худенький веснушчатый паренек в майке и пузырящихся трениках, стоявший рядом с уже знакомой бабкой.

«Это кто, неужели я?» — забился ворох мыслей в голове, появилась жуткая слабость, и тут я в который раз потерял сознание. Очнулся от внутреннего голоса, бившегося в висках.

— Дядька, уходи из головы, надоел! — бубнил тот, не переставая. Я приподнялся, потянулся в кровати, зажмурился от яркого солнца, светившего в окно, и бессильно упал на подушку.

Суть произошедшего стала ясней. Мое сознание каким-то чудом перенеслось в тело тринадцатилетнего мальчишки, и сейчас тот требовал, чтобы я убрался из его головы. К сожалению, выполнить это пожелание мне было не по силам.

— Не дрейфь, пацан! Прорвемся! — ободряюще сказал я и встал с кровати. Сережа замолк, но мое сознание чувствовало его испуг, как свой.

В комнате никого не было, из-за распахнутого настежь окна доносился птичий щебет и звонкий крик кукушки.

«Первая половина лета», — автоматически заключил я и подошел к зеркалу.

М-да, при дневном свете новое тело совсем не радовало. После накачанного пресса гридня Атаманского полка получить тощее, худое тельце мальчишки было неприятно.

От сознания Сергея потянуло обидой. Он был в корне не согласен с моим мнением. Улыбнувшись, я сообщил:

— Не переживай, у нас есть время, чтобы все исправить, — после чего мысленно нарисовал образ молодого гридня-экзорциста. От мальчишки пришел восхищенный возглас и нетерпеливое ожидание перевоплощения.

— Не спеши, шустряк, — обломал я надежды малька. — Надо еще подрасти.

Наш диалог прервала баба Паша, вошедшая в избу с пучком зелени.

-Ага, проснулся, наконец! — воскликнула она. — Ну ты, парень, вчера учудил! Все глаза проглядела, тебя дожидаясь. Все! Кончился мой терпеж! Сегодня дам телеграмму, пусть тебя родители домой забирают.

Из прочитанной мной за пару минут нехитрой и короткой жизни Сережки Еремина я уже знал, что парень тот был хулиганистый и непослушный. А нынешним летом он изводил свою бабку Павлину Поликарповну целенаправленно, добиваясь высылки обратно в город. Вот только в планы, рождающиеся в моем сознании, переезд в город сейчас совсем не планировался.

— Бабушка, — обратился я к ней. — Прости, пожалуйста, не понимаю, что вчера произошло, с парнями попрощался, пошел в сторону дома, а как на тропинку к дому вышел, все... ничего не помню. Может, перекупался?

У бабки расширились зрачки, она с удивлением смотрела на меня.

— Точно, перекупался или в футбол переиграл, — сделала она вывод вслух. — Прощения парень просит, когда же такое было, не припомню.

Она помолчала и после паузы спросила:

— Завтракать ли будешь, сатана?

Беззаботность, с которой бабка назвала это слово, поразила до глубины души, но она сама и Сережа не видели в имени верховного демона ничего опасного.

«Однако! — мысленно воскликнул я. — Странны дела твои, Господи! В этом мире нет демонов, что ли?»

Знания, почерпнутые у мальчишки, были мизерны, чтобы делать какие-либо заключения и выводы, поэтому я, выкинув все вопросы из головы, с энтузиазмом кивнул и вскоре лопал жаренную на сале яичницу, от души посыпанную свежим зеленым луком и укропом.

— Чем займешься седни? — спросила бабушка, когда я вынул кружку молока и умял пару кусков духовитого домашнего каравая.

— Так, может, по дому чего надо помочь? — деловито спросил я в ответ, не обращая внимания на недовольное бурчание Сережки в голове.

Вид у бабушки стал весьма озабоченный, она потрогала мой лоб сухой, сморщенной ладошкой и плачущим голосом сказала:

— Ой, Сереженька, может, ты сегодня в постели полежишь, отдохнешь. А уж завтра и займемся чем-нибудь.

— Нет, бабушка, — я решительно встал из-за стола. — Отдых закончен. Давай, говори, что надо делать.

Та беспомощно посмотрела по сторонам.

— Может, дров поколешь немного, — подумав, предложила она.

— Хорошо, — согласился я и вместе с ней отправился в дровяник.

Увидев ржавый колун, я задумчиво засвистел, в результате словил от бабки подзатыльник.

— Не свисти! Денег в доме не будет, — сердито пробухтела та. — Взятся за ум, так работай.

Однако сразу к колке приступить не удалось, пришлось искать сухую березовую чурку, чтобы сделать клин. Бабушка

же, убедившись в серьезности моих намерений, пошла в дом готовить обед.

Расколов с трудом десяток чурбаков, я присел передохнуть. Невеселые мысли бродили в голове. Паренек к своему телу относился спустя рукава. Мышц как таковых почти не было. Выносливости тоже. Конечно, чего ждать от пофигиста.

А ведь, судя по его памяти, среди его друзей и одноклассников он был не из последних ботанов.

«Пожалуй, что восстановление организма займет гораздо больше времени, — думал я огорченно. — А впереди еще раскачка искры, притом энергетических каналов в теле практически нет».

Передохнув, вновь принялся за дрова, невзирая на волну эмоций неодобрения от мальчишки, задвинутого в глубины подсознания. Тому не терпелось кинуть все и удрать на речку.

После отдыха работать стало легче, я расколол почти все напильные чурки, оставив штук двадцать на вечер.

Для обеда было еще рановато, в дом идти не хотелось, и я уселся в дровянике, опершись спиной на поленницу. Под крышей стояла приятная прохлада, и я, расслабившись, начал обдумывать свои дальнейшие действия. Надежды вернуться домой практически не было. Было вообще сомнительно, существует ли еще мое настоящее тело. Вполне вероятно, что откат от непосильного заклятия его просто-напросто убил.

Сосредоточившись внутренним зрением, начал разглядывать искорку Дара, висевшую в солнечном сплетении. Та несколько не изменилась за пару часов и мерцала, периодически пропадая из вида.

Не меняя позы, я задержал дыхание и затем, как вбили навсегда в мою голову в кадетском училище, сделал глубокий вдох, стараясь представить, как по еле видимым каналам течет сила источника. Наступившая дурнота и рвотные позывы показали, что все сделано правильно, только не хватило потребного количества силы для такой манипуляции.

Несколько минут прошли в борьбе с тошнотой, когда мне стало лучше, я обнаружил, что на балке дровяника болтает

короткими ножками заросший кучерявой бородой человек. Грязный и кудлатый он больше походил на комок волос, чем на живое существо. Но его глубоко посаженные маленькие глазки сверкали любопытством.

«Ты кто таков? — прозвучал в голове скрипучий голос. — Силой балуешься, когда другим жрать нечего».

«А ты домовый? — потрясенно спросил я, вспоминая толстого вальяжного домового Никандра, живущего в нашем родовом тереме. — Тогда чего такой замызганный?»

«Будешь тут замызганным, — с горечью сказал домовый. — Скоро развоплюсь вообще. На всю деревню нас трое осталось. Не заботитесь вы, людишки, о нас, а потом плачете, что болеете тяжко, в доме неустройство да ссоры».

«Так тебе же бабушка каждый день молока наливает...» — неуверенно сказал я.

«Наливает, — согласился тот. — А вежество ее где? Кошке и то кис-кис скажет, а меня как бы и нет. А ведь хорошо помню, как ее еще девчонкой дед вицей ее по заднице порол. Уйду я от вас, зачем вы мне сдались», — сообщил он и выжидающе замолчал.

«Понятно, — подумал я. — Вымогательством занимаешься».

В ответ на мои мысли в эмоциях маленькой нечисти явно проскользнуло недовольство.

«Странно, — отметил я. — Похоже, этот хмырь читает мысли, предназначенные для самого индивида. Никандр такого не умеет».

«Поживешь здесь чуток, сам поймешь, почему так происходит, — огрызнулся домовый. — Расскажи лучше, как угораздило в этого шалопута попасть? Вижу ведь, человек ты сурьезный».

Заметив мое удивление непонятным словом, он охотно пояснил:

«Лет тому сто назад, когда дом этот построили, попа пригласили, он тут все углы святой водой обрызгал, даже на меня ухитрился попасть. Задницу обжег, зараза! Так он детишек непутевых шалопутами обзывал. Тогда это словечко мне на язык и попало».

Я понятно кивнул и ответил:

«Сам не пойму, как такое дело получилось. Миг всего лишь, и я уже здесь оказался. В вашем мире то есть и в этом теле».

Домовой легко спрыгнул с балки и подошел вплотную. Его глазки неприятно буравили меня.

«Ну чего уставился? Говори уже», — не выдержал я.

«Послушай, гость незваный, — всплывали его слова в моей голове. — Вижу, ты источником своим в полной мере владеешь, может, поделишься силушкой своей, а?»

В словах домового явно прозвучала мольба. Мне даже стало неловко оттого, что не могу сразу выполнить его просьбу.

Когда сбивчиво начал объяснять, что пока нечем делиться, да и владение источником пока не очень, домовой снисходительно махнул мохнатой трехпалой лапкой.

«Да, вижу я все, человеке, — сообщил он. — Но если ты с неделю тратишь силушку почему зря не будешь, мне лет на пятьдесят ее хватит.

«Хорошо, — согласился я, — будет тебе сила, только не за так просто».

«Ну, это и ежу понятно, — обрадовался домовой. — Все, что могу, сделаю, только скажи Ефимке чего тебе надобно».

«А Ефимка это кто?» — тут же переспросил я.

«Да я это, я», — обиделся домовой.

«Понятно, — сказал я и вздохнул. — А меня Степаном родители нарекли, только теперь с именем этим расстаться придется».

В это время в дровяник заглянула бабушка. Ее глаза остановились на мне, не замечая стоящего прямо перед ней домового.

— Сережа идем обедать, — предложила она. — У меня все уже на столе.

Я послушно встал и пошел вслед за ней. Домовой проводил нас взглядом и ушел в стену дровяника.

После обеда потянуло в сон. Некоторое время я пытался с ним бороться, но потом решил, что после всех потрясений имею законное право на отдых, и, забравшись в кровать, моментально уснул. Долго поспать, однако, не удалось.

Проснуться пришлось после того, как мне в лоб прилетела сосновая шишка. Выглянув в окно, увидел за невысоким тыном двух парней чуть старше моего нового возраста. От Сережки неожиданно пришла эмоция вины и страх.

— Признавайся, что натворил? — спросил я у него, хотя уже вычислил, в чем дело.

Вчерашние похождения парня закончились карточной игрой, в которой он проиграл десять рублей. Сгоряча он обещал отдать долг на следующий день, запланировав стырить десятку из жестяной коробки от монпансье, в ней бабка Павлина хранила свои скромные накопления. Но мое нечаянное вселение спутало ему все планы, поэтому разбираться с подошедшими кредиторами придется не ему.

Крикнув в окно, что сейчас выйду, я прошел за перегородку, где Павлина Поликарповна, надев очки, читал роман Бальзака. Ее глаза были мокрыми, и она периодически шмыгала носом.

На сообщение, что я ушел гулять, она только махнула рукой, ей сейчас было не до меня.

Когда вышел за ворота, парни уже стояли около них и грозно смотрели на меня.

— Ну чо, Ерема, гони мани-мани, — усмехнувшись, сразу сказал Колька Егоров. Именно ему Сережка продул десятку. С Коляном приперся его дружбан Геша Смирнов, видимо для силовой поддержки; тот периодически сплевывал слюну через дырку от выбитого зуба и показательно стучал грязным кулаком о раскрытую ладонь.

— Слышь, пацаны, — сказал я спокойно. — Сегодня у меня не получится вам деньги отдать. Так что извините. Как только они у меня появятся, сразу скажу. Только подождать придется с неделю. Раньше никак.

Видимо, моя речь и поведение были настолько необычны для Сергея, что парни, выслушав меня, даже не пытались возмущаться. Колян, ехидно улыбаясь, сказал:

— Харэ, неделю подожду, но смотри, Ерема, со следующей недели, если не будет капусты, я тебе счетчик включу. Усек?

Я кивнул и собрался идти в дом. Но тут парни переглянулись, и Геша, как бы между прочим, заметил:

— Ерема, может, отыгаться хочешь, и деньги тогда возвращать не придется.

«Отлично! — мысленно воскликнул я. — Сейчас я вас научу играть в картишки!»

Конечно, я бы мог влегкую не отдавать долг, но не хотелось усложнять жизнь мальчишке, если вдруг мое сознание покинет его тело, так же быстро, как вселилось в него.

Пока мы шли по узкой лесной тропке в деревню, я без труда читал довольное выражение физиономий парней, предвкушающих, как они облапошат меня еще на одну десятку. Тем более что вчера Сережка открытым текстом сказал им, где собирается взять деньги.

Когда мы зашли в лодочный сарай на берегу неширокой речки, вдоль которой расположилась деревня Гривки, там уже играли в секу несколько парней. Нас они встретили приветственными возгласами. Поздоровавшись со всеми, я присел в уголке, ожидая, когда закончат очередной кон.

В это время краем глаза заметил движение в темном углу сарая, за лодкой. Пристальней глянув туда, я увидел Ефимку. Сейчас он выглядел немного лучше, чем утром. Его борода уже не была так запутана, а маленькие глазки смотрели на мир значительно бодрей. Заметив мое внимание, он сообщил:

— Хочу посмотреть, как у тебя с удачей дела обстоят. Смодри, не проиграй, я уже об заклад побился с Андроном, что ты выиграешь.

Не дожидаясь вопроса, кто такой Андрон, Ефимка пояснил, что тот тоже домовой, живет в доме Егоровых, поэтому болеет за удачу Коляна.

В это время рядом с Ефимкой материализовался почти такой же мелкий, бородатый дедок и, чинно представившись мне, сразу начал ругаться.

Конечно, кроме меня никто этой ссоры не слышал. Колька и Геша сидели тут же, нетерпеливо ожидая, когда их возьмут в игру.

Наблюдая за игрой, я одновременно пытался понять, чего сороятся домовые. Суть оказалась проста. Когда Ефимка спорил с Андроном, то не сказал тому про изменения, произошедшие с Сережкой. И сейчас тот, увидев, с кем его подопечному придется играть, был вне себя от злости.

— Пошто не сказал, что с Одаренным мой Колька играть сядет? — шипел он Ефимке. — Если парень проиграется, не отдам заклад, так и знай.

Очередной кон подошел к концу. Парни оживленно загомонили, разбирая свои копеечные выигрыши. Я уселся на то же место, что и вчера, чувствуя нарастающий азарт со стороны бывшего хозяина тела.

Колян и Геша, садившиеся напротив, опять обменялись ухмылками. Севший к нам четвертым игроком Витька Старков сунул мне колоду, предложив ее перетасовать и раздать.

Я интенсивно пошевелил пальцами и взял колоду в руки. Заглянув в источник, увидел, что искра стала более яркая и уже не мерцает. Мысленно собравшись, начал тасовать карты, вихрем летавшие у меня в руках.

Лица парней вытянулись в недоумении. Видимо, Сережка доселе такими талантами не блистал.

Еще больше их лица вытянулись, когда через час я отыграл свою десятку. Однако, как только начал выигрывать их деньги, Витька бросил свои карты на стол и громко произнес:

— Парни, здесь что-то нечисто, Ерема мухлюет. Не может он все время выигрывать!

— Точно, — угрюмо согласился с ним Колян, потерявший весь вчерашний выигрыш. -Ерема, сучий потрох, мухлюет!

Геша, только и ждавший этого момента, молодецки размахнулся, намереваясь ударить меня в лицо. Но я, не теряя времени на замах, ткнул ему кулаком в подбородок, и Геша вместе чурбаком опрокинулся на песок.

Два оставшихся игрока кинулась на меня, и следующие пару минут мы катались по земле, награждая друг друга тумачами. Человек шесть, наблюдающих за игрой, отскочили к стене и оттуда подбадривали своих приятелей. Я, пыта-

ясь подняться, проклинал Сережку, доведшего свое вполне здоровое тело до такого жалкого состояния. Но все же в какой-то момент удалось встать на ноги, и после этого дело пошло лучше. Когда после моего очередного удара Старков улетел под стол и остался там лежать, драка прекратилась сама собой.

Мы стояли, тяжело дыша, и глядели друг на друга. Из носа у меня текла кровь, а левый глаз начал заплывать. Тут из угла, где сидели домовые, донесся шум. Я сдвинулся, чтобы посмотреть, что там происходит, и увидел, как Ефимка лупит веником-голиком лежащего на животе Андрона.

От неожиданности меня разобрал смех, и сразу из разбитой губы ручьем побежала кровь. Я начал вытирать ее рукой, размазывая по лицу и продолжая смеяться.

Парни испуганно переглянулись и гурьбой ринулись к дверям. Было слышно, как они на улице орут, что у Еремы поехала крыша и сейчас он будет всех убивать.

Я растащил домовых, продолжавших колотить друг дружку, и уселся за стол, держа их за шкирки.

Ефимка висел спокойно, а вот Андрон крутился, щелкал острыми белыми клыками и угрожал всяческими карами.

Но когда я коротко сказал: «Развоплощу!» — домовый затих и больше не рыпался, чем меня очень удивил. Сейчас, если судить по источнику, мне было очень далеко до звания экзорциста Атаманского полка. Но, видимо, в голосе еще оставались прежние нотки, заставляющие трепетать среднеуровневую нечисть.

Тем не менее, ссору домовых я прекратил и разогнал их по домам. Когда вышел из сарая, берег был пуст. Характер Павлины Поликарповны знали все односельчане, поэтому парни не горели желанием попадаться ей на глаза. Никто из них не сомневался, что бабушка выпытает, кто наставил мне синяков, и отправится разбираться с обидчиками.

Я спустился к воде и, быстро раздевшись, бухнулся с головой в теплую воду, после этого отфыркиваясь, начал отмывать присохшую кровь с лица.

Как ни странно, настроение было отличным. Пытаясь разобраться, отчего так происходит, с удивлением понял, что перестал давить неожиданный карточный долг.

«Что значит воспитание», — с усмешкой подумал я. Мой дед столбовой дворянин Еремин Аполлинаруий Игоревич в юности был отчаянный игрок. Он в одно время ухитрился проиграть практически все имущество рода, даже поставил на кон родовой рубин-накопитель. Ему повезло, он сумел отыграть обратно наш терем, десяток деревень и небольшой городок Тырновск. После этого он никогда больше не садился за карточный стол. Но это не помешало ему обучить меня тысяче карточных премудростей и в то же время внушить стойкое отвращение к азартным играм вообще.

В памяти навсегда осталась картина, как дед — грузный краснолицый с растрепанными седыми волосами — сидит в кресле, а вокруг него по причудливым орбитам летает вся карточная колода. Второе воспоминание: он, по-прежнему сидя в кресле и подняв указательный палец, говорит: «Степка, запомни наказ, никогда не садись играть, карты тот же наркотик. Но ежели сел и проигрался, плати, карточный долг — святое. Не сможешь отдать, тебе даже Дар не поможет. Будешь изгоем настоящим».

Я в полной мере выполнял дедов наказ, хотя перетерпел из-за этого немало неприятностей и презрения сверстников. Но даже сегодня в другом мире и в другом теле все равно почувствовал себя значительно лучше, решив эту проблему. При этом совершенно не мухлюя.

— Привет! — раздался девичий голос. Я вздрогнул и, подняв голову, обнаружил, что с берега меня разглядывают две девчонки. Со мной заговорила старшая, Катька Тимофеева, очень любопытная востроносая особа.

— Водичка теплая? — спросила она, не дожидаясь ответа, скинула платье и храбро полезла в воду. Ее подружку звали Нина, про нее из Сережкиной памяти я знал только, что она может дико орать, если ей в трусы сунуть «конский волос», в изобилии плавающий в речке. Вот и сейчас Нина нервно